

Е.Р. Лочмелис (Россия, Москва)

Проблема сюжетного инварианта в поздней прозе Н.М. Карамзина

Аннотация: В статье рассматриваются процессы трансформации сюжетной модели романа Руссо «Юлия, или Новая Элоиза», которую Карамзин делает основой своих произведений, созданных в 1799–1803 гг., и таким образом формирует единое содержательное ядро, сюжетную константу, или сюжетный инвариант, трех текстов рассматриваемого периода: «Рыцарь нашего времени», «Моя исповедь», «Чувствительный и холодный». Доказывается, что причины, по которым Карамзин занимается обработкой такой простой сюжетной схемы, как руссоистский любовный треугольник, носят одновременно историко-литературный и автобиографический характер. Кроме того, в данной статье проанализированы методы включения жизненного материала – поразительно созвучных романам Руссо фактов биографии самого Карамзина – в пространство художественного текста; рассмотрена также специфика работы Карамзина с реальными и литературными прототипами.

Ключевые слова: Карамзин, Руссо, инвариант, сюжет, модель, композиция, трансформация, автобиографизм прозы

E.R. Lochmelis (Moscow, Russia)

The Plot Invariant in Nikolay Karamzin's Later Prose

Abstract: The article focuses on the transformation of the plot model from Jean-Jacques Rousseau's novel "Julie, or New Heloise". This model was used by Karamzin as the basis of his works, which were created in 1799–1803. Three texts of this period: "A Knight of Our Times", "My confession", "The Sensitive and the Cold", share a common content core, plot constant, or plot invariant. It is proved that the reasons why Karamzin was dealing with such a simple plot scheme as the Rousseauist love triangle were literary as well as autobiographical. Besides, the article analyzes the methods of incorporating life material – facts of Karamzin's biography which are strikingly similar to Rousseau's novels – into a literary text's space. It also examines the specificity of Karamzin's work with real and fictional prototypes.

Key words: Nikolay Karamzin, Jean-Jacques Rousseau, invariant, plot, model, composition, transformation, autobiography in prose

Лотман писал, что «многообразные сюжеты одного автора очень часто могут быть описаны как единый сюжет, выявившийся в некоторой сумме вариантов»¹. Произведения, созданные Карамзиным в 1799–1803 гг., действительно могут быть осмыслены как реализации одного инварианта, поскольку связаны общим содержательным ядром, в качестве которого выступает любовный треугольник руссоистского типа. При этом система персонажей может претерпевать определенные деформации и отходить от канонической, что и дает возможность вскрыть то сложное переплетение автобиографического и типового, жанрового², что позволяет рассматривать «Рыцаря нашего времени», «Мою исповедь» и «Чувствительного и холодного» как воплощения одного замысла.

Любовный треугольник конструируется одинаково во всех трех анализируемых текстах: функциональный Вольмар (в роли которого выступают граф Мирон в «Рыцаре нашего времени», князь в «Моей исповеди» и Леонид в «Чувствительном и холодном») приглашает «чувствительного» на правах друга жить в своем доме. Далее система персонажей достраивается, но все происходит, как правило, случайно: ни Сен-Прё, ни Леон или Эраст не стремятся нарочно задержаться в доме. Исключение как пародический текст составляет «Моя исповедь», героя которой посетила «счастливая мысль»³ (1, 737) воспользоваться представившейся возможностью, после чего он «подписал бумагу» (1, 737) и вскоре торжествовал, заявляя: «План мой счастливо исполнился. Мы изъяснились» (1, 737).

При этом «чувствительный» герой (Леон, граф NN, Эраст) равен героине по положению (Карамзин снимает сословные различия), а уединенная жизнь, которую ведут обе Эмилии, «питает страсти» (1, 737) и предшествует его появлению.

«Рыцарь нашего времени»: «...графиня, будучи прелестною и милою, до приезда в деревню умела сохранить тишину сердца своего...» (1, 774).

«Моя исповедь»: «Боясь света, который громко осуждал ее второе замужество, она вела уединенную жизнь; уединение же, как известно, питает страсти» (1, 737).

Важно отметить, что во всех трех анализируемых текстах любовный треугольник формируется дважды⁴:

Текст	Юлия	Вольмар	Сен-Прё
«Рыцарь нашего времени»	Графиня Эмилия (ч→с) Графиня Эмилия (с→ч)	Граф Мирон (х) Граф Мирон (х)	Томный Н* (ч) Леон (ч)
«Моя исповедь»	Эмилия (ч→с) Эмилия (с→ч)	Граф NN (х) Князь (х)	Ø (развод, но есть «толпа искателей») Граф NN (ч)
«Чувствительный и холодный»	Нина (х) Каллиста (ч)	Эраст (ч) Леонид (х)	Леонид (х) Эраст (ч)

Причем только первая любовная коллизия в «Рыцаре нашего времени» выглядит наименее самостоятельным заимствованием из Руссо – это история графини Эмилии и томного Н*, который, «побывав шесть или семь раз... в доме, вздумал

¹ Лотман Ю.М. Пушкин и «Повесть о капитане Копейкине» (К истории замысла и композиции «Мертвых душ») // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 3. Таллин, 1993. С. 37..

² См.: Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры: «элегическая школа». Спб, 1994. С. 11.

³ Здесь и далее произведения Н.М. Карамзина цит. по изд.: Карамзин Н.М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Том и страница указываются в скобках.

⁴ Сокращения в таблице: ч. – чувствительность; х. – холодность; с. – спокойствие (равнодушие)

написать... любовное письмо!...» (1, 776), чем и вызывал графиню на «*решительные меры*» (1, 776): «ему отказано от дому!» (1, 776). Падения героини не происходит, а граф Мирон, как и Вольмар, настолько уверен в ее нравственности, что даже не придает значения «нежным эпистолам... несчастных селадонов» (1, 776).

Однако при появлении Леона исходная ситуация подается несколько иначе – осложняется влиянием «Исповеди»¹.

«Когда же я услышал, что буду ночевать в доме г-жи де-Варен, я с трудом мог сдержать свою радость. Вскоре мой небольшой сверток отнесли в предназначенную для меня комнату. В эту минуту я приблизительно испытывал то же, что пережил Сен-Прё, когда его коляску поставили в сарай г-жи де Вольмар»². Из приведенной цитаты следует, что «Исповедь» даже в сознании самого Руссо, по-видимому, легко встраивалась в контекст «Новой Элоизы», отсюда и карамзинская балансировка на грани: «Кто боится ребенка, хотя и смышленного, хотя и пылкого, хотя и ревностного читателя романов? Мужчины бывают страшны тогда, когда их можно узнать в женском платье: невинность еще не имеет пола!» (1, 779) и «Заря чувствительности тиха и прекрасна, но бури недалеко. Сердце любимца твоего зреет вместе с умом его, и цвет непорочности имеет судьбу других цветов!» (1, 780).

Если в отношении следования за Руссо «Рыцарь нашего времени» – это тезис, то «Моя исповедь» – антитезис, в котором Руссо пародируется: граф NN разводится с Эмилией, уступая ее старому князю – сниженной вариации образа Вольмара: «Надобно знать, что князь был человек пожилой и весьма неприятный наружностью. Часто глаза ее тихонько сравнивали нас и с выражением горести потуплялись в землю» (1, 737), после чего склоняет Эмилию к побегу, замечая, что, «перестав быть ее мужем» (1, 737), стал «казаться ей тем любезнее» (1, 737). Дается нарочито естественное решение заданной Руссо нравственной дилеммы: «Эмилия грустила, но утешилась мыслью, что она следует движению непобедимого чувства и что любовь ее ко мне есть героическая, – утешение, к которому обыкновенно прибегают женщины в заблуждениях страсти или воображения!» (1, 738).

Следовательно, «Чувствительный и холодный» – итоговый текст, в котором совершается синтез: Карамзин, разошедшийся с Руссо во взглядах «на природу и воспитание человека»³, не отказывается от заданной им композиционной модели, которую развивает и усложняет, опираясь на «Вильгельма Мейстера» Гёте. Так, симметричная система персонажей повести «Чувствительный и холодный» позволяет создать два зеркально отраженных любовных треугольника, где любовный конфликт получает искусственное разрешение, несмотря на то что естественная развязка предсказывается, как и в предшествующих текстах.

В первый раз Леонид уезжает от Нины, «не простившись ни с хозяином, ни с хозяйкою» (1, 748), однако «не все его (Эраста) знакомые, подобно Леониду, спасались бегством от прелестей Нины» (1, 749), во второй Леонид «без дальних сборов посадил жену в карету и благополучно уехал с нею из П*» (1, 751),

¹ С того момента как Леон попадает под покровительство графини Эмилии, двойная отсылка – к руссоистским контекстам и к действительной жизни – становится еще более заметной: Краснощекова справедливо замечает, что воспитательная миссия, за которую принимается графиня, «восходит к эпизодам “Исповеди”, посвященным отношениям Жан-Жака с госпожой де Варанс». Подробнее см.: Краснощекова Е.А. Роман воспитания – Bildungsroman – на русской почве: Карамзин. Пушкин. Гончаров. Толстой. Достоевский. СПб., 2008. С. 39.

² Руссо Ж.-Ж. Исповедь. СПб., 1901. С. 84.

³ Краснощекова Е.А. Роман воспитания – Bildungsroman – на русской почве: Карамзин. Пушкин. Гончаров. Толстой. Достоевский. С. 44.

ибо «холодные люди не слепцы» (1, 751). Каллиста, как Юлия и Мариана, впоследствии умирает, а Нина оказывается оправданной автором в следующей сцене: «Два человека погребли его (Эраста) и с искреннею горестию оплакали: Нина и добродушный камердинер Эрастов...» (1, 754). Таким образом, ее нравственного падения не происходит, как и дискредитации женских образов.

Однако важно то, что ситуация дважды разрешается не смертью героини, но рассудочным решением Леонида, что, по-видимому, позволяет говорить о влиянии романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера», где «холодный» двойник Вильгельма Вернер действует так же активно и подчеркнуто рационально, перехватывая письма Марианы и тем самым препятствуя ее воссоединению с Вильгельмом, чего нельзя сказать о Вольмаре Руссо: пассивность Вольмара и есть та черта, которая подвергается иронии и понимается как причина сделанных по наивности попустительств.

Следует сказать и о том, что Леон, Граф NN, Эраст и Леонид в той или иной степени выступают в анализируемых произведениях в качестве авторских проекций, и если образы Леона и Эраста, осмысленные критически и поданные иронически, соотносятся с порой чувствительной юности, то Граф NN и Леонид – это холодные характеры, носители сознания более зрелого и вместе с тем выразители тех настроений, которые владели Карамзиным после его возвращения из путешествия.

Вернувшись из Европы, Карамзин старается «не привязываться душою ни к чему тленному» (1, 775), что подтверждают более поздние отзывы современников, в которых, однако, угадывается «психологическая истина»¹, декларированная в текстах 1799–1803 гг.: «В 1824 году Ал. Тургенев рассказывал князю Вяземскому, как, получив вест о смерти брата... он прочел в журнале Карамзина пьесу... в которой он одного молодого человека заставляет говорить, что всякое нежное чувство, всякая сильная горесть, которую мы почитаем вечною, не вечна в нашем сердце, что все утихает со временем»².

Мысль эта, приписанная то графу Мирову, то графу NN, то Леониду, так или иначе повторяется во всех трех текстах:

«Рыцарь нашего времени»: «Но граф мой совершенный стоик; не привязывается душою ни к чему тленному...» (1, 775).

«Моя исповедь»: «Такие случаи и неприятности могли бы огорчить другого, но я родился философом – сносил все равнодушно...» (1, 736).

«Чувствительный и холодный»: «Он лишился супруги и детей, но, воображая, что горесть бесполезна, старался забыть их» (1, 754).

Характерно, например, то, как преломляется в творчестве сознание того, что после возвращения из заграничного путешествия в 1790 г. наступил новый жизненный этап: «Человеку в двадцать пять лет не позволено жить для одного удовольствия» (1, 745), – Карамзин родился в 1766 г.

Эраст, возвратившись из путешествия, узнает о смерти Каллисты и вслед за нею умирает – этим оканчивается период «чувствительной» юности. Важно, однако, то, что при внешнем повторении Руссо (кругосветное путешествие Сен-Прё, его возвращение, смерть Юлии) Карамзин меняет само содержание этой структурной части текста: ввиду малого объема повести, складывается впечатление, что такие события, как разлука, путешествие, известие о смерти Каллисты и следующая за

¹ Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904. С. 91.

² Там же. С. 91.

нею смерть Эраста, находятся в непосредственной причинно-следственной связи, чего нет у Руссо.

В пространстве текста остается «холодный» Леонид¹, доживший «до самой глубокой старости» (1, 754) и уважаемый государем и государством за свои «заслуги, разум, трудолюбие и честность» (1, 754), а в жизни – чуждый Плещеевой Карамзин, которого она не узнает «под какими-то чужими и наносными чертами»².

Всё это позволяет соотнести систему персонажей с действительностью следующим образом: Карамзин в юности (Леон, Эраст, Сен-Прё) – «нежнейший друг»³ «нежной женщины»⁴, «чувствительной» Плещеевой. Ее характером наделены такие героини, как графиня Эмилия, Каллиста; однако все три текста – поздние, к моменту их написания в Карамзине уже произошла та внутренняя перемена, в которой Плещеева винила «проклятые чужие край»⁵. Отсюда и склонность Карамзина наделять автобиографическими чертами «холодных» персонажей-стоиков: графа Мирова, образ которого сильнее прочих генетически связан с Вольмаром Руссо, графа NN и Леонида – равнодушных супругов «чувствительных» героинь, Эмилии и Каллисты, связанных с Е.И. Карамзиной на двух уровнях: номинативном и сюжетном.

Н.И. Плещеева (Протасова)	Е.И. Карамзина (Протасова)
Нанина («Послание к женщинам»)	Эмилия («К Эмилии»)
Эмилия → Леон («Рыцарь нашего времени»)	Эмилия → граф NN («Моя исповедь»)
Нина → Леонид («Чувствительный и холодный»)	Каллиста → Эраст («Чувствительный и холодный»)

При этом можно видеть несовпадение поэтических имен Плещеевой и Карамзиной с их характерами. Например, имя Нины носит спокойная, «прекрасная и милая» (1, 747) героиня, которая скорее напоминает Карамзину, чем Плещееву, тогда как поэтическое имя Карамзиной – Каллиста – соотносится со страстной натурой Плещеевой, которой «хочется оживить статую» (1, 748): «Я вам часто жалка бываю своим проклятым нежным сердцем»⁶.

На сюжетном же уровне ситуации распределяются между героинями довольно свободно, с той только оговоркой, что отсутствующая у Руссо тема перевоспитания «чувствительной» супруги «холодным» героем и ее смерть всегда связаны с Карамзиной. Смерть Карамзиной отразилась в произведениях рассматриваемого периода дважды: в «Моей исповеди» 1802 г. и в «Чувствительном и холодном» 1803 г.: «Каллисты не было уже на свете: супруг ее, еще не скинув траура, помолвил на другой и *ровно* через год обвенчался». В январе 1804 г. Карамзин действительно женится второй раз – на Е.А. Колывановой.

¹ Об этом см.: *Сапченко Л.А.* «Чувствительный и холодный» Н.М. Карамзина и типология «двух характеров» в русской литературе первой половины XIX века // Карамзинский сборник: Творчество Н.М. Карамзина и историко-литературный процесс. Ульяновск, 1996. С. 93–101.

² *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. М., 1998. С. 22.

³ *Н.М. Карамзин.* Послание к женщинам // Карамзин Н.М. Полн. собр. стихотворений. Л., 1966. С. 169–179.

⁴ Там же. С. 169–179.

⁵ *Барсков Я.Л.* Переписка московских масонов XVIII века. Пг., 1915. С. 3.

⁶ Там же. С. 129.

Тема наставничества в «языке чувствительности»¹, встроенная в контекст «Исповеди» Руссо, а также тема долгов (в целом, нетипичная для сентиментализма) связана с Плещеевой: «Он скоро занемог, но успел еще отдать половину своего имени Нине, сведав, что она терпит нужду» (1, 753). В качестве другого примера можно привести строки о том, что Эраст «сведал, что тесть Леонидов имел важное судное дело и, по всем вероятностям, должен был лишиться своего имени» (1, 752), а после «тайно дал на себя вексель его сопернику в большой сумме с условием, чтобы он прекратил тяжбу миром» (1, 752), что также соотносится с биографическим контекстом. Карамзин помогал Плещеевым выбраться из долгов и, несмотря на то что «к концу 1790-х годов наступило... охлаждение», «продолжал хлопотать об улаживании запутанных дел Плещеевых»².

В момент смерти Эраста два женских образа снова оказываются совмещены в одном сознании: «Эраст умер на ее руках, с любовью произнося имя Каллисты и Нины: *душа его примирилась с женщинами, но не с судьбою!*...» (1, 754).

Таким образом, из сказанного выше следует, что «Рыцарь нашего времени», «Моя исповедь», «Чувствительный и холодный» – тексты, которые целесообразно рассматривать в их совокупности, поскольку такой анализ позволяет проследить эволюцию авторского замысла. Кроме того, предшествующие «Чувствительному и холодному» произведения в той или иной степени уточняют содержание повести.

Так, имя Леона переходит к Леониду³, хотя по характеристикам он сильнее всего напоминает Эраста: ему также предстоит перетерпеть «все горести, все свирепые бури, которые волнуют жизнь чувствительных» (1, 759). Повесть «Чувствительный и холодный» начинается не с «первого младенчества» (1, 758), а со следующего этапа жизни – пансиона, т. е. в каком-то смысле продолжает «Рыцаря нашего времени». Что же касается самих категорий «чувствительности» и «холодности», то они никогда не сосуществуют в одном персонаже, поскольку связаны с возрастом, значит, легко перераспределяются между двумя героями или же один герой последовательно выступает носителем то одной из них, то другой.

Граф NN, к примеру, предстает в двух ипостасях: в первой половине текста это «холодный» Леонид, женитьба которого – «благородный спектакль» (1, 734), устроенный «для порядка в доме» (1, 750).

В браке «холодный», равнодушный супруг принимается за перевоспитание своей жены, с тем чтобы из «чувствительной» превратить ее в «спокойную», в связи с этим наблюдается внутренняя динамика женских образов:

«Рыцарь нашего времени»: «В первые два года я была с ним несчастлива; испытала без успеха все способы вывести его из *убийственного равнодушия* – даже самую ревность – и наконец успокоилась» (1, 775).

«Моя исповедь»: «Эмилия из благодарности считала за долг быть нежною, страстною женою, а нежность и страсть всегда ревнивы». «В самом деле, Эмилия мало-помалу приходила в рассудок, утихала и становилась гораздо милее... Наконец я совершенно уверился в исправлении жены моей, видя вокруг ее толпу искателей» (1, 734).

«Чувствительный и холодный»: «Он не обманул друга и в самом деле женился только “для порядка в доме”, заблаговременно объявив невесте условия» (1, 751), одно из которых – «входить к нему в кабинет однажды в сутки, и то на пять минут» (1, 751).

¹ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1998. С. 294.

² Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. С. 291.

³ Краснощекова Е.А. Роман воспитания – Bildungsroman – на русской почве: Карамзин. Пушкин. Гончаров. Толстой. Достоевский. С. 44.

«Она, исполняя волю отца, на все согласилась и строго наблюдала предписания мужа, тем охотнее что меланхолик Эраст жил в их доме...» (1, 751).

Затем граф NN принимает вид «чувствительного» и действует уже в качестве Сен-Прё и Эраста: становится «чувствительным» в сравнении со вторым мужем Эмилии, который равен Вольмару, т. е. в пределах текста сочетает в себе признаки обоих, но не одновременно.

Утверждение справедливо и по отношению к женским образам «Моей исповеди» и «Чувствительного и холодного»: исправившаяся Эмилия в первой части текста равна Нине (как персонаж остывший или спокойный и сжившийся с равнодушным, чего не происходит с Каллистой); Эмилия во второй части может быть соотнесена с Каллистой, когда изменяет князю и уезжает с внешне «чувствительным» графом NN, первым супругом своим, сделавшись в одно и то же время и женой, и любовницей.

Одновременности нет и в «Чувствительном и холодном»: Эраст «прибегает к союзу, освященному мнением и законом» (1, 747) и в отношении Нины оказывается «холодным» (равнодушным) мужем, тогда как совпадение характеров идет по линии «Нина – Леонид».

Второй раз аналогичная ситуация конструируется без замены признака: чувствительность не меняется на холодность, остается изначально руссоистская схема: рассудочно женится Леонид, который в отношении Каллисты становится опять же равнодушным мужем, тогда как совпадение характеров идет по линии «Каллиста – Эраст».

Отчасти этим совпадением характеров объясняются и шутовское определение Эмилии как «жены-любовницы» (1, 738) в «Моей Исповеди», и ложные пары в симметричных любовных треугольниках «Чувствительного и холодного», где каждый из героев попеременно оказывается в статусе жены (мужа) и любовницы (любовника), причем отношения жены и мужа изображаются лишенными душевной связи, а отношения любовников стоят на ранг выше.

И Нина, и Каллиста решаются на измену, но «заблуждение сердца»¹ оправдывается истинностью «душевного союза»: «забывая должность свою» (1, 752) для Эраста, Каллиста только формально становится любовницей, в каком-то высшем смысле она – его подлинная жена (то же и для Нины), что и видим в «Моей исповеди»: «Эмилия некогда любила меня; перестав быть ее мужем, я казался ей тем любезнее» (1, 737), и «мы жили недурно; но она жаловалась иногда на мое равнодушие и, наконец... сказала мне, что, быв женою, она могла сносить мои неверности, но, сделавшись любовницею, умирает от них» (1, 738). Схожий мотив звучит и в «Рыцаре нашего времени»: «Никто не удивится, если скажу, что граф был для графини – только мужем, то есть: человеком иногда сносным, иногда нужным, иногда скучным до крайности» (1, 774).

При таком рассмотрении получается, что происходит контаминация черт двух разных женщин, тогда как герой совмещает в себе признаки «чувствительности» и «холодности», причем в зависимости от степени усложнения прототипической модели смена одного этапа другим может происходить последовательно, что в художественной системе Карамзина соотносится с периодами жизни одного человека, или показываться параллельно при расщеплении одного героя на двух персонажей-двойников, это и делает возможным функциональное совпадение Леонида, Вернера и Вольмара: они должны выступать противовесом «чувствительному».

¹ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. С. 226.

Таким образом, структурный анализ показал, что сюжетным инвариантом рассмотренных текстов является, очевидно, жизнь самого Карамзина, следовательно, «чувствительный» и «холодный» – это на определенном уровне обобщения один герой, причем наделенный автобиографическими чертами: чувствительного меланхолика до и во время путешествия по Европе и холодного флегматика – после. Героиня же выбирает не между разными персонажами, а между категориями состояния одного человека, вследствие чего реальной измены не происходит, что и показано в повести «Чувствительный и холодный», тогда как в «Моей исповеди» видим не что иное, как обнажение приема, реализованного предельно буквально, поскольку пародийный характер текста это допускает: «Я предложил своей жене-любовнице уйти со мною» (1, 738).

Данный подход объясняет также и использование одних и тех же, как кажется, предельно упрощенных романских моделей, внимание Карамзина к которым объясняется, по-видимому, не только значимостью текстов Руссо, т. е. причинами историко-литературными, но и тем созвучием, которое можно обнаружить, сравнив отдельные сюжетные положения «Новой Элоизы» и «Исповеди» с фактами его биографии.

ЛИТЕРАТУРА

Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1792 гг. Пг.: Отделение русского языка и словесности Императорской АН, 1915. LXII, [1], 335, [4] с.

Вацууро В.Э. Лирика пушкинской поры: «элегическая школа». СПб.: Наука, 1994. 240 с.

Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1904. 571 с.

Карамзин Н.М. Избранные сочинения: В 2 т. Т. 1. М.; Л.: Художественная литература, 1964. 810 с.

Карамзин Н.М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Советский писатель, 1966. 419 с.

Краснощекова Е.А. Роман воспитания – Bildungsroman – на русской почве: Карамзин. Пушкин. Гончаров. Толстой. Достоевский. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 2008. 480 с.

Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Молодая гвардия, 1998. 382 с.

Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 3. Таллин: Александра, 1993. 480 с.

Руссо Ж.-Ж. Исповедь. СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1901. 51 с.

Сапченко Л.А. «Чувствительный и холодный» Н.М. Карамзина и типология «двух характеров» в русской литературе первой половины XIX века // Карамзинский сборник: Творчество Н.М. Карамзина и историко-литературный процесс. Ульяновск, 1996. С. 93–101.

REFERENCES

Barskov Ya. L. (1915) Correspondence of Moscow Masons of the 18th century. 1780–1792. Petrograd. Publishing of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences. LXII, [1], 335, [4] p.

Karamzin N.M. Selected Works: In 2 vols. Vol. 1. Moscow; Leningrad. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1964. 810 p.

Karamzin N.M. Complete Collection of Poems. Moscow; Leningrad. Sovetsky Pisatel Publ. 1966. 419 p.

Krasnoshchekova E.A. (2008) *Upbringing Novel – Bildungsroman – on Russian Soil: Karamzin. Pushkin. Goncharov. Tolstoy. Dostoevsky*. St.-Petersburg. Pushkin Fund Publishing House. 480 p.

Lotman Yu.M. (1998) *The Creation of Karamzin*. Moscow. Molodaya Gvardiya Publ. 382 p.

Lotman Yu.M. *Selected Articles: In 3 vols. Vol. 3*. Tallinn. Alexandra Publ. 1993. 480 p.

Rousseau J.-J. (1901) *Confessions*. St.-Petersburg. Panteleev Brothers Printing House. 512 p.

Sapchenko L.A. “The Sensitive and the Cold” by N.M. Karamzin and the Typology of “Two Characters” in Russian Literature of the first half of the 19th century. In: *The Karamzin Collection: N.M. Karamzin’s Creativity and Historical-Literary Process*. Ulyanovsk. 1996, pp. 93–101.

Vatsuro V.E. (1994) *Lyrics of the Pushkin Period: “An Elegiac School”*. St.-Petersburg. Nauka Publ. 240 p.

Veselovsky A.N. (1904) *V.A. Zhukovsky. Poetry of Feeling and “Heart Imagination”*. St.-Petersburg. Typography of the Imperial Academy of Sciences. 571 p.

Сведения об авторе:

Елизавета Романовна Лочмелис,
студент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elizaveta R. Lochmelis,
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
dostfm182181@mail.ru